

ДМИТРИЙ ПРАВДИН

ДРУЖИНА

СТАНОВЛЕНИЕ НЕВСКОГО

Дмитрий Pravdin

Дружина:

Становление Невского

<https://litres.ru/74448557>

SelfPub; 2026

Аннотация

Невский. Испытание кровью

1234 год. Новгород на грани гибели. Враги у стен, предатели в тереме. Князь Ярослав тайно вывозит юного сына Александра, поручая его жизнь горстке изгоев — малой дружине под началом старого воеводы Ратибора.

Их путь лежит через Гнилые Мхи, языческие капища и засады ливонских наемников. Силач Вышата, следопыт Финист, книжник Анисим и дерзкий мечник Кречет должны стать для мальчика щитом. Но цена выживания высока. Детская наивность разбивается о суровую реальность средневековой мясорубки, где каждый шаг требует крови.

Это история не о громком триумфе, а о жестоком становлении лидера. О том, как мальчик, прошедший через ад болот, усвоит главный урок: «Князь — это тот, кто стоит между народом и мечом».

Путь к Ледовому побоищу начинается здесь.

Содержание

1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Дружина: Становление Невского

1

Глава 1. Меч над Новгородом

Зима 1234 года выдалась в Новгороде лютой, такой, какой старожилы не помнили даже в летописях дедов своих. Не просто холод стоял над городом — стояла тишина. Тяжелая, давящая, предвещающая беду тишина, от которой звенело в ушах и ныли старые раны, полученные когда-то на полях битв под Козельском и Коломной. Снег, выпавший за ночь, лежал плотным, нетронутым пластом на тесовых крышах теремов, на бревенчатых частоколах, на плечах стражников, застывших у ворот Детинца. Казалось, что само время остановилось, затаив дыхание перед неизбежным ударом, а Волхов, скованный льдом, лишь изредка издавал протяжный, стонущий звук, напоминающий скрежет костей великана.

Ратибор стоял у высокого узкого окна княжьего терема, скрестив на груди руки, обтянутые потертой кожей доспеха. Его отражение в мутном, пузырьчатом стекле, которое с тру-

дом очищали от наледи слуги, казалось чужим: седая прядь волос выбилась из-под шапки, глубокие морщины прорезали лоб и щеки, а взгляд, когда-то ясный и решительный, теперь был затуманен усталостью и болью. Ему было пятьдесят два года — возраст, когда воин по праву должен был покоиться на теплых полатях, слушая сказки внуков да потягивая медовый взвар, но судьба распорядилась иначе. Судьба Руси не знала милосердия к своим защитникам; она перемалывала их, как жернова перемалывают зерно, и выплевывала в землю, чтобы из этой крови и костей росло новое поколение.

За окном, внизу, расстилался Великий Новгород. Город дышал дымом сотен труб, пах мерзлой землей, конским навозом, дешевым дегтем и пряностями, привезенными из дальних земель купцами Ганзейского союза. Но сегодня этот запах казался Ратибору запахом страха. Он видел, как по улицам, утопающим в сугробах, шныряют гонцы боярские, как шепчутся купцы у торговых рядов, как косыми, полными ненависти и подозрения взглядами обмениваются представители разных концов города — Славенского и Плотницкого. Новгород жил своей сложной, многослойной жизнью, где каждый мужчина, владеющий землей, имел право голоса, где каждое решение рождалось в муках споров на вече. И именно эта свобода, эта гордая, непокорная независимость сейчас становилась ахиллесовой пятой. Город был слишком громким, чтобы хранить тайны, и слишком гордым, чтобы подчиниться единой воле.

— Они не объединятся, Ратибор, — раздался за спиной низкий, хриплый голос, в котором слышалась сталь, но также и бесконечная, старческая усталость.

Воевода не обернулся. Он знал, кто вошел, по легкому, почти неслышному шагу и по запаху ладана и старого пергамента, который всегда сопровождал князя. Ярослав Всеволодович. Отец Александра. Человек, несущий на своих плечах тяжесть всего Северо-Запада Руси, человек, который знал цену предательства лучше, чем кто-либо, ибо сам не раз его вкусил.

— Бояре слишком заняты делением прибылей от торговли с немцами и шведами, чтобы думать о мече Ливонского ордена, — ответил Ратибор, продолжая смотреть на город, на дым, который сливался с серым, свинцовым небом. — А немцы... они не ждут. Они знают, что мы раздроблены. Они ждут нашего раздора, как волк ждет падения ослабленного оленя.

Ярослав подошел к окну, встав рядом с воеводой. Князь выглядел старше своих лет. Лицо его было бледным, под глазами залегли темные тени бессонных ночей, а губы плотно сжаты, словно он постоянно сдерживался, чтобы не выкрикнуть проклятие. На нем был простой шерстяной кафтан, поверх которого наброшена тяжелая соболья шуба. Никаких золотых украшений, никаких знаков власти, кроме тяжелого перстня с печаткой на пальце. В эти дни он предпочитал не выделяться, сливаться с тенями, ибо стены имели уши,

а среди близких друзей могли оказаться змеи, готовые ужалить за пазухой.

— Гонцы из Пскова сообщили, что рыцари собрали большой отряд, — тихо произнес Ярослав, и его голос дрогнул, но не от холода. — Фон Бретхаузен. Ты слышал это имя?

Ратибор кивнул, не отрывая взгляда от окна. — Слышал, государь. Фанатик. Жестокий. Он считает, что меч — лучший проповедник веры. Для него война — это крестовый поход, очищение земли огнем и кровью. Такие враги опаснее тех, кто воюет ради золота. Золото можно откупить. Веру фанатика — нет. Они не остановятся, пока не вырежут нас всех, или пока мы не вырежем их.

— И шведы, — добавил князь, проводя рукой по лицу, словно стирая невидимую паутину. — Они тоже проявляют активность. С севера давят, с запада режут. А монголы... эхо их нашествия все еще отдается в наших костях, каждый вздрагивает при слове «татары». Мы зажаты в тиски, старый друг. И тиски эти сжимаются.

Ратибор наконец повернулся к князю. В глазах воеводы читалась боль, но не страх. Страх он оставил позади много лет назад, на полях битв, где земля пила кровь ведрами, а крики раненых сливались в единый, нестихающий гул. — Что прикажете, государь? Собрать полки? Созвать вечевую думу? Ударить первыми, пока они не ударили?

Ярослав горько усмехнулся, и в этой усмешке было столько презрения к своим же подданным, что Ратибору стало не

по себе.— Если я созву вечерую думу, бояре начнут спорить до весны. Каждый будет тянуть одеяло на себя, каждый будет доказывать, что его конец города важнее другого. А если соберу полки, заговорщики донесут немцам о наших планах раньше, чем мы успеем оседлать коней. Нет, Ратибор. Прямая сила здесь бессильна. Нам нужна хитрость. И нам нужна скорость.

Князь сделал паузу, его взгляд стал жестким, стальным, таким, каким его видели только на поле боя.— Мой сын. Александр.

Сердце Ратибора дрогнуло, пропустив удар. Он знал этого мальчика. Тринадцати лет, худощавый, с живыми, умными глазами, в которых уже читалась не детская серьезность, а какая-то древняя, наследственная тоска. Александр рос не как избалованный княжич, а как воин. Он любил слушать рассказы о битвах, задавал неудобные вопросы о тактике и стратегии, тренировался с деревянным мечом до изнеможения, пока руки не покрывались кровью. Но он был ребенком. Ребенком, на которого уже точили зубы враги внутренние и внешние. Устранение наследника — самый короткий путь к захвату власти или территории.

— Заговорщики планируют покушение? — спросил Ратибор, хотя ответ уже был очевиден, висел в воздухе, как запах гари.

— Хуже, — тихо сказал Ярослав, и его пальцы сжались в кулаки. — Они планируют сдать его. Или «потерять» во вре-

мя одной из стычек. Им нужен марионеточный правитель, или же они хотят использовать смерть Александра как повод для призыва иностранных войск «для защиты порядка». Я не могу держать его здесь. Новгород стал клеткой. Но и увезти его открыто нельзя — это сигнал для врагов: «Мы боимся, мы слабы, бейте нас».

Ратибор понял. План созрел в голове князя давно, и он был единственно возможным в этой безвыходной ситуации.— Вам нужно убрать его из города. Тайно.

— Да, — кивнул Ярослав. — В Переславль-Залесский, к моему брату, или дальше, в безопасные земли, где рука ливонцев не достанет. Но путь лежит через дикие леса, через болота, через земли, где хозяйничают разбойники и лесные племена, не признающие ни князей, ни креста. Один гонец с охраной не пройдет. Их перехватят. Нужна не охрана, Ратибор. Нужна тень. Нужна стена, которая невидима, пока не ударит.

Воевода медленно выдохнул, выпуская клуб пара в холодный воздух комнаты.— Вам нужна дружина. Малая, но лучшая. Те, кто не задает вопросов. Те, кто умеет убивать тихо и эффективно. Те, кому можно доверить жизнь княжича, не боясь предательства.

— Именно поэтому я вызвал тебя, — сказал Ярослав, кладя руку на плечо воеводы. Рука князя была тяжелой, теплой, и в этом жесте было больше мольбы, чем приказа. — Ты знаешь таких людей. Ты сам был одним из них. Собери их, Ра-

тибор. Возьми лучших. Тех, кто отошел от дел, кто скрылся, кто забыт. Но тех, чья честь чище золота.

Ратибор опустил голову. Он понимал масштаб задачи. Это было не просто поручение. Это был приговор. Если он согласится, он ставит крест на своей спокойной жизни, на возможности состариться в мире. Он снова становится инструментом войны, мечом, который князь заносит над тенью. Но разве у воина есть выбор? Разве можно отказаться, когда речь идет о будущем всей земли?

— Кто будет командовать отрядом? — спросил он, хотя знал ответ.

— Ты, — твердо сказал Ярослав. — Только тебе я доверяю жизнь своего сына. Только ты сможешь собрать этих... изгоев и сделать из них единый кулак.

Ратибор закрыл глаза. Перед ним всплыли лица. Лица тех, кого он знал, с кем делил хлеб и кровь, с кем пил из одного шлема воду, смешанную с кровью. Вышата — силач, чья мощь пугала даже врагов. Финист — следопыт, который видел то, чего не видели другие. Анисим — умница, чей язык был острее меча. И Кречет... молодой, горячий, талантливый, но непредсказуемый.

— Они разбросаны по всей земле, государь, — сказал Ратибор. — Найти их, убедить вернуться... это займет время. А время работает против нас.

— У тебя есть три дня, — отрезал Ярослав. — Через три ночи, в полночь, у тайных ворот Детинца, что ведут к Волхо-

ву, ты должен быть готов. С людьми. С конями. С оружием.

Три дня. Чтобы найти четырех человек, которые, возможно, не захотят вспоминать прошлое. Чтобы подготовить снаряжение. Чтобы разработать маршрут. Чтобы обмануть весь Новгород.

Ратибор выпрямился. Усталость, которая давила на плечи последние месяцы, вдруг отступила, уступив место холодной, сосредоточенной ясности. Это было то состояние, которое он знал лучше всего. Состояние перед бурей.

— Будет сделано, государь, — произнес он, и голос его звучал ровно и уверенно. — Но мне нужна полная власть в этом деле. Никаких свидетелей. Никаких отчетов. Если меня спросят, куда я делся, вы скажете, что отправили меня с дипломатической миссией в Торжок.

Ярослав кивнул. — Так и будет. И еще одно, Ратибор.

Князь подошел ближе, понизив голос до шепота, так что Ратибору пришлось наклониться, чтобы расслышать. — Среди моих бояр есть тот, кто передает сведения врагу. Я не знаю точно, кто именно. Возможно, их несколько. Поэтому твой отряд должен стать призраком. Никто, кроме меня и тебя, не должен знать истинной цели путешествия. Даже сами дружинники должны думать, что везут важный груз, а не живого человека. Пока не минует опасность.

Ратибор почувствовал холодок вдоль позвоночника. Предатель в ближайшем окружении князя. Это означало, что любая оплошность может стоить жизни не только Александру,

но и всему отряду.— Я понимаю, государь.

— Береги его, Ратибор, — глаза Ярослава увлажнились, но он быстро моргнул, скрывая эмоцию, не подобающую правителю. — Он... он особенный. Я вижу в нем будущее Руси. Если с ним что-то случится...

— С ним ничего не случится, — перебил воевода. В его словах не было бравады, только железная уверенность человека, который дал слово и намерен его сдержать любой ценой, даже ценой собственной жизни. — Пока я дышу, никто не тронет ни волоса с его головы.

Ярослав долго смотрел на него, затем медленно кивнул.— Иди. Действуй.

Ратибор поклонился, развернулся и вышел из терема. Холодный воздух ударил ему в лицо, освежая мысли, обжигая легкие. Он спустился по каменной лестнице во внутренний двор, где уже ждал его конь — крупный, гнедой жеребец по кличке Ветер. Конь фыркнул, топнув копытом по замерзшей земле, словно чувствуя настроение хозяина.

Но прежде чем выехать из города, Ратибор решил своими глазами посмотреть на то, что творится на Торговой стороне. Он накинул на плечи простой серый плащ, спустился по задней лестнице и смешался с толпой, став одним из сотен таких же серых, усталых людей.

Вече гудело, как растревоженный улей. Тысячи людей — купцы в богатых шубах, ремесленники в кожаных фартуках, чернорабочие в зипунах, покрытых пылью и грязью — сто-

ляли плечом к плечу на замерзшей земле. В центре, на деревянном помосте, возвышался посадник Михаил, человек с хитрым, лисьим лицом и седой бородой, заплетенной в две косы.

— Братья новгородцы! — кричал посадник, размахивая руками, и его голос, усиленный деревянными резонаторами помоста, катился над площадью. — Немцы на пороге! Псков горит! А наш князь сидит в тереме и не созывает войско! Что он ждет? Чего боится? Может, он уже продал нас немцам за серебро?!

Толпа загудела, зашумела. Кто-то крикнул: «Предатель!» Кто-то: «Сдаст нас немцам за золото!» Кто-то начал швырять в помост комьями снега и гнилой капустой.

Ратибор стоял в стороне, прислонившись к стене деревянной лавки, и внимательно слушал. Он знал Михаила давно. Тот был не глуп, но слишком амбициозен. И слишком тесно связан с теми боярами, которых Ярослав подозревал в измене.

— Князь Ярослав — наш защитник! — вдруг раздался голос из толпы. Это был старый кузнец, с которым Ратибор когда-то ходил в поход на чужд. — Он не раз спасал нас от супостата!

— Был спасал, а теперь нет! — парировал другой голос. — Говорят, он хочет бежать в Переяславль! Бросить нас на растерзание!

Ратибор нахмурился. Слухи расплзались быстрее чумы.

Это была работа опытных людей. Кто-то целенаправленно сеял панику, чтобы ослабить власть князя, чтобы расколоть город изнутри.

Вдруг из толпы вырвался молодой парень, лет двадцати, с перекошенным от ярости лицом. Он выхватил из-за пояса нож и бросился к посаднику. — Убью изменника! — заорал он.

Стража бросилась перехватывать его, но было поздно. Нож вонзился в руку Михаила. Посадник взвыл, упал на колени, кровь хлынула на снег, окрашивая его в яркий, неестественный алый цвет.

Толпа ахнула, зашумела еще громче. Кто-то начал кричать: «Долой бояр! Вече решает!» Кто-то: «Князя на щит! Князя на щит!»

Ратибор видел, как Михаил, стиснув зубы, поднялся. Его лицо было бледным, но глаза горели триумфом. Он знал, что делал. Эта рана, эта кровь на снегу — всё это работало на него. Теперь он мог требовать созыва военного совета, где его сторонники имели большинство. Это была постановка, разыгранная ради власти.

Ратибор отвернулся. Он видел достаточно. Новгород был не просто разделен. Новгород был на грани гражданской войны. И в этом хаосе немцы чувствовали себя как рыба в воде.

Он пробирался сквозь толпу, возвращаясь к Детинцу. Мимо него прошли двое боярских слуг, переговариваясь шепотом.

том, но в тишине, которая воцарилась в его голове после криков веча, он слышал каждое слово.

— ...гонiec уже в пути. К вечеру будет у крестоносцев... — ...мальчишку нужно убрать до весны... — ...Михаил обещал, что на вече поднимет вопрос о «недееспособности» князя...

Ратибор замер в тени ворот. Его рука легла на рукоять меча. Он слышал достаточно. Предатели были здесь. Прямо здесь. И они действовали быстро.

Теперь он понимал, почему Ярослав так спешил. У них не было недель. У них были часы.

Он сел на коня и посмотрел на звезды, которые начали пробиваться сквозь тучи. Впереди были три дня ада. Три дня скачек, поисков, убеждений и подготовки. А потом — путь в неизвестность, где каждый куст мог скрывать врага, а каждый встречный — предателя.

Он вспомнил лицо маленького Александра. Мальчик стоял тогда в углу терема, наблюдая за разговором отца и воеводы. В его глазах не было страха, только внимательность. Он слушал. Он учился.

«Ты вырастешь великим, княжич, — мысленно обратился к нему Ратибор, прищипывая коня. — Но сначала ты должен выжить. А я сделаю всё, чтобы дать тебе этот шанс».

Ветер усиливался, поднимая снежную пыль. Ратибор натянул капюшон плаща плотнее. Конь свернул на мост через Волхов. Лед скрипел под тяжестью всадника, звук был

неприятным, напоминающим скрежет костей. Но Ратибор не оглядывался. Воины не смотрят назад. Они смотрят вперед, туда, где их ждет долг.

Глава 2. Сбор поединщиков

Дорога из Новгорода на север, к берегам Ладожского озера, была не путем, а медленным, мучительным испытанием на прочность. Снег здесь лежал глубже, чем в городе, и ветер, сдуваемый с ледяной, бескрайней глади озера, пронзал одежду насквозь, словно искал тепло в самом сердце, чтобы заморозить его. Ратибор ехал уже второй день, почти без остановок, позволяя коню делать лишь короткие передышки у заснеженных сосен. Его тело, привычное к лишениям, ныло: старый шрам на ребрах, полученный от половецкой сабли тридцать лет назад, ныл к морозу, а пальцы в кожаных перчатках теряли чувствительность, превращаясь в чужие, деревянные обрубки. Но он не останавливался. Время — единственный ресурс, которого у него не было.

Целью его пути была деревня Заозерье, затерянная среди вековых сосен и болот, там, где земля пахла рыбой и гниющей хвоей. По слухам, там жил человек, чье имя когда-то внушало ужас врагам Руси, а теперь было забыто всеми, кроме старых воинов, да кошмаров по ночам. Вышата.

Когда Ратибор въехал в поселение, солнце уже клонилось к закату, окрашивая снег в багровые, почти кровавые тона.

Деревня выглядела бедно: низкие, почерневшие от времени избы, покосившиеся заборы, редкий дымок из труб. Но в центре, возле большой расчищенной площадки, стояла изба, отличавшаяся от других размером и добротностью сруба. Рядом с ней, под навесом, лежали грубо обтесанные бревна, стружка и инструменты.

Ратибор спешился, привязал коня и подошел к крыльцу. Дверь была закрыта, но из-за нее доносился ритмичный, мягкий звук. *Шорх. Шорх.* Звук ножа, срезающего тончайшую щепу. Воевода не стал стучать. Он просто открыл тяжелую дубовую дверь и вошел внутрь.

Запах свежей древесины, смолы и пота ударил ему в нос. В полумраке просторной комнаты, освещаемой лишь узкими окнами и тлеющими углями в печи, работал человек. Огромный, широкоплечий, с руками, толщиной с бедро взрослого мужчины. Он сидел на низком табурете, склонившись над массивным брусом липы. Каждое движение его пальцев было плавным, но несущим в себе колоссальную, скрытую силу. Щепки летели во все стороны, оседая на его плечах и седых волосах.

— Ты шумишь, Ратибор, — произнес человек, не оборачивившись. Голос его был низким, густым, словно грохот камней в горной реке. — Конь твой топает, как пьяный медведь. А ты дышишь так, будто за тобой гонится вся орда Батыя.

Ратибор усмехнулся, хотя улыбка не коснулась глаз.—

Приветствую тебя, Вышата. Вижу, лес тебе заменил щит, а тесло — меч.

Мужчина наконец остановился. Он медленно повернулся, и Ратибор увидел лицо, которое помнил еще по битвам молодости. Широкое, скуластое, с прямым носом и небольшими, глубоко посаженными глазами цвета мокрой земли. На щеке тянулся длинный шрам, пересекающий губу. Но главное изменение было не в лице, а в глазах. Раньше в них горел огонь битвы, теперь же там покоилась тишина глубокого, темного озера. На коленях у гиганта лежала не грубая чурка, а заготовка для иконы. В его огромных, мозолистых руках, способных ломать шеи, сейчас с невероятной нежностью располагался маленький, изящный нож, вырезавший крыло серафима.

— Меч мне ничего не дал, кроме шрамов и ночных кошмаров, — тихо сказал Вышата, откладывая нож и вытирая руки тряпкой. — А лес... лес дает покой. И дерево не предает. Оно растет, живет и умирает по своим законам, честным и понятным. Посмотри, — он указал на брус, на резные узоры, которые начинал вырезать на одном из них. — Это будет часть нового храма. Красота, Ратибор. Красота, а не смерть.

— Красота хрупка, Вышата, — мягко, но твердо сказал воевода, подходя ближе и чувствуя, как ноют мышцы после долгой езды. — Если немцы придут сюда, они сожгут этот храм вместе с твоими резьбами. Они убьют тех, кто живет в

этих избах, и бросят твои иконы в огонь, как дрова. Твой покой иллюзорен. Он держится на том, что кто-то другой стоит на границе и держит удар. Сейчас эта граница рушится. Мне нужен ты. Для княжича Александра.

Вышата замер. Его глаза, до этого спокойные, вдруг вспыхнули тем самым, знакомым Ратибору огнем.— Александр? Мальчик?

— Ему грозит смерть. Не в бою, а от руки своих же. Его нужно вывести из города, провести через леса и доставить в безопасность. Мне нужна надежная спина. Мне нужен тот, кто сможет прикрыть отход, когда вокруг будут сотни врагов.

Вышата тяжело вздохнул. Он провел рукой по лицу, словно стирая невидимую пыль.— Я устал, Ратибор. Мне сорок пять лет, но я чувствую себя стариком. Каждая кость ноет перед дождем. Я дал клятву самому себе: больше не брать в руки оружие против людей. Я хочу дожить свои дни в тишине.

— А потом умереть с мыслью, что мог спасти будущее Руси, но предпочел резать дерево? — голос Ратибора стал жестче, в нем зазвенела сталь. — Ты помнишь битву на реке Калке? Помнишь, как мы теряли друзей в той мясорубке? Мы клялись, что если выживем, будем защищать землю до последнего вдоха. Эта клятва не имеет срока годности, брат. Твои руки могут создавать красоту, но если ты не возьмешь топор сейчас, тебе не для кого будет ее создавать.

Вышата молчал долго. В избе было слышно лишь потрес-

кивание дров в печи да тяжелое дыхание великана. Наконец, он поднялся. Его тень накрыла Ратибора, как скала.— Когда выступаем?

— Через две ночи. У тайных ворот Детинца.

— Мне нужно закончить работу, — Вышата кивнул на брус. — И собрать вещи. Немного вещей. Топор я возьму старый. Тот, что с рукоятью из ясеня. Он еще помнит вкус немецкой стали.

Путь к Пскову занял еще два дня. Ратибор не отдыхал, спал урывками, сидя в седле, чувствуя, как холод пробирает до самых костей. Следующей целью был Финист.

Финиста найти было сложнее всего. Он не жил в домах. Он был частью леса, его тенью, его шепотом. Ратибор знал одно место — урочище «Серый Камень», недалеко от псковских границ, где следопыт обычно устраивал зимние стоянки.

Когда воевода подъехал к месту, он не увидел ни костра, ни шатра. Только нетронутый снег и вековые, черные от коры ели. Воздух здесь был иным — острым, пахнущим озоном и хвоей. Но Ратибор умел читать лес. Он заметил едва приметную примятость снега под старой сосной, следы заячьих лапок, идущие неестественно прямо, и тонкую, почти невидимую нить паутины, натянутую между ветками на уровне груди. Ловушка-сигнализация. Если бы он задел ее, в лесу взвился бы сигнал, и Финист растворился бы в чаще навсегда.

Ратибор осторожно обошел ловушку и громко хлопнул в ладоши. — Финист! Выходи. Это я, Ратибор.

Никакого ответа. Только шелест ветра в верхушках деревьев. Воевода терпеливо ждал. Он знал правила игры.

Прошло десять минут. Потом двадцать. Ратибор уже начал беспокоиться, не ушел ли следопыт дальше, как вдруг сверху, с ветки высокой ели, раздался тихий свист.

Ратибор поднял голову. На ветке, сливаясь с корой благодаря серо-зеленому плащу, сотканному из мха и шерсти, сидел человек. Лицо его было скрыто капюшоном, но Ратибор узнал эти длинные, тонкие пальцы, держащие короткий лук из тиса.

— Ты стал шумным, старик, — раздался голос сверху. Тихий, шелестящий, как листва. — Я слышал твоего коня за версту. И запах твоего страха тоже.

— Это не страх, Финист. Это спешка, — ответил Ратибор, не повышая голоса. — Слезай. Нам нужно поговорить.

Финист бесшумно прыгнул с ветки, приземляясь на согнутые ноги, не издав ни звука. Он снял капюшон, открывая худое, остроносое лицо с серыми, почти прозрачными глазами. Волосы его были коротко острижены, кожа бледна от недостатка солнца. На шее у него висел христианский крест, а на поясе — волчий зуб и амулет из медвежьей когти. Полуязычник, полухристианин, изгой для своих и чужой для чужих.

— О чем говорить? — спросил следопыт, поправляя те-

тиву лука. — О том, как князья делят землю, которую не видели? О том, как бояре продают души за серебро? Я слышал все это. Мне это не интересно.

— О том, как защитить то, что еще осталось, — сказал Ратибор. — Ливонцы идут. Они не просто хотят победить. Они хотят выжечь эти леса. Превратить их в пашню для своих монастырей. Александра нужно вывести тайно. Мне нужны твои глаза, Финист. Без тебя мы слепы. Мы пойдем через Мертвые Топи, через земли, где нет троп.

Финист задумался. Он посмотрел на лес, словно советуясь с деревьями. Его ноздри раздулись, втягивая запахи. — Лес сейчас злобен, Ратибор. Зима голодная. Волки сбиваются в стаи. Люди тоже. Если я пойду с тобой, я оставлю свой дом. Мой лес.

— Ты сможешь вернуться, — пообещал воевода. — Когда опасность минует.

— А если не минует? — Финист посмотрел на Ратибора пристально. — Если мы погибнем?

— Тогда ты умрешь, защищая будущее, а не прячась от прошлого, — жестко ответил Ратибор.

Финист усмехнулся, но в улыбке не было веселья. — Ты умеешь давить на больные места, воевода. Хорошо. Я пойду. Но у меня есть условие. Никаких лишних людей. Никакого шума. И если кто-то из твоей компании попытается рубить живые деревья без нужды или охотиться ради забавы, я уйду. И заберу с собой удачу.

Ратибор кивнул.— Договорились.

Анисима Ратибор нашел в монастыре Святого Георгия, недалеко от Изборска. Монах-переписчик сидел за столом в холодной, каменной келье, склонившись над пергаментом. Его руки, тонкие и изящные, выводили красивые буквы кириллицы. Вокруг пахло чернилами, воском, ладаном и сыростью.

Услышав шаги, Анисим не поднял головы.— Если ты пришел исповедоваться, брат, очередь вечером. Если за милостыней — кухня справа.

— Я пришел за умом, Анисим, — сказал Ратибор, входя в келью и закрывая за собой тяжелую дубовую дверь, отсекая гулкий шум коридора.

Монах замер. Перо дрогнуло, оставив кляксу на пергаменте. Он медленно поднял голову. Под монашеским клобуком скрывалось лицо интеллигентное, с высоким лбом и пронизательным, почти циничным взглядом. Это был не тот простой крестьянин, каким мог показаться сначала. Анисим был сыном киевского боярина, получившим образование в лучших школах, знавшим латынь и греческий, но попавшим в немилость за слишком острые речи о справедливости и продажности духовенства.

— Ратибор, — произнес он, откладывая перо и вытирая пальцы о рясу. — Я думал, ты забыл дорогу к грешникам.

— Грешников сейчас много, Анисим. И некоторые из них носят княжеские одежды и боярские шапки. Но я пришел не

за исповедью. Князь Ярослав просит помощи. Для сына.

Анисим вздохнул и закрыл книгу, обтянутую телячьей кожей.— Я знаю. Слухи доходят даже сюда, в эти святые стены. Новгород кипит. Но какое мне дело до политических игр? Я нашел здесь покой. Я пишу слова Бога, а не указы смертных. Мои руки созданы для пера, Ратибор, а не для копья.

— Слова Бога важны, — согласился воевода, садясь напротив на жесткий табурет. — Но иногда нужно защитить тех, кто будет эти слова читать. Александра хотят устранить. Заговорщики работают с Орденом. Мне нужен человек, который знает немецкий язык. Который понимает логику врага. Который может прочесть карту лучше, чем священник читает Евангелие. Ты знаешь тактику ливонцев? Их устав? Их слабости?

Анисим задумался. В его глазах мелькнул интерес. Интеллектуальный вызов всегда действовал на него сильнее просьб о помощи.— Ливонцы действуют по шаблону, — произнес он, его голос звучал сухо и академично. — Они уверены в своем технологическом превосходстве. Тяжелая кавалерия, построение клином, так называемая «свинья». Но они неповоротливы в лесу. И они презируют «дикарей». Это их главная слабость. Они смотрят только вперед, на свою цель, и не видят того, что происходит по бокам.

— Именно, — кивнул Ратибор. — Помоги нам использовать эту слабость. Стань нашим стратегом. Нашим голосом разума, когда другие будут действовать яростью.

Анисим постучал длинными, испачканными чернилами пальцами по столу.— И кто еще в этой безумной компании? — Вышата. Финист. И, возможно, Кречет.

Монах рассмеялся, но смех был сухим, как шелест осенних листьев.— Силач, дикарь и сорвиголова. Отличная компания для самоубийства. Что ж, Ратибор, ты умеешь собирать коллекцию неудачников.

— Мы не неудачники, Анисим. Мы те, кому есть что терять. И те, кто умеет думать. Твой ум острее любого клинка. В этом походе сила мышц не всегда решает исход. Нужна хитрость.

Анисим посмотрел на свои руки, испачканные чернилами. Затем на окно, за которым начиналась метель, замечая снегом узкую бойницу.— Хорошо, — сказал он тихо. — Я пойду. Не ради князя. И не ради мальчика. А потому что мне тошно смотреть, как невежество побеждает знание. И потому что... — он помолчал, — потому что я хочу увидеть, прав ли я в своих расчетах. Проверить свои теории на практике. Кровью.

Последним был Кречет.

Ратибор нашел его в трактире «У трех топоров» на окраине Пскова. Трактир был шумным, прокуренным, полным пьяных купцов, наемников и беглых крестьян. Воздух здесь был густым от запаха кислого эля, жареного лука и немытых тел. В углу, за отдельным столиком, сидел молодой парень. Лет девятнадцати, с дерзкой улыбкой и рукой, лежащей на

рукояти меча. Перед ним стояла кружка эля, но он почти не пил. Его глаза сканировали помещение, оценивая каждого входящего. На столе перед ним лежали кости для игры, но игра, похоже, только что закончилась: трое крепких мужиков, сидящих за соседним столом, держались за ушибленные места и косились на парня с откровенным страхом.

Ратибор подошел к нему и сел напротив, не спрашивая разрешения.

Кречет вскинул бровь. Его лицо было открытым, красивым, но с тем самым оттенком наглости, который часто приводил молодых людей на плаху или на дно реки.— Место занято, дед.

— Для таких, как ты, места всегда свободны, — спокойно ответил Ратибор. — Особенно если речь идет о деле, которое может сделать тебя легендой или мертвецом.

Кречет усмехнулся, демонстрируя ровные белые зубы.— Легендой я стану и сам. А мертвецом быть не планирую. Кто ты такой, чтобы давать советы?

— Тот, кто видел, как умирают герои, которые не слушали советов, — парировал воевода. — Меня зовут Ратибор. И я знаю, что ты лучший фехтовальщик в Псковской земле. Хотя и самый дерзкий. Я видел, как ты только что усмирил троих. Ты не убил их, хотя мог. Ты играешь с ними, как кот с мышами.

Кречет выпрямился, его поза стала более агрессивной, рука крепче сжала рукоять меча.— И что тебе нужно от луч-

шего фехтовальщика?

— Нужен воин. Для особого поручения. Защита важной персоны. Путь опасный. Врагов много. Плата — честь. И возможность доказать, что ты не просто хвастун из трактира, а настоящий воин.

Кречет фыркнул, отпивая из кружки. — Честью сыт не будешь. А риск... риск я люблю. Но почему я должен идти с тобой? У меня есть предложения от купцов. Охранять караваны. Плата — звонкая монета.

— Потому что ты ищешь смысла, Кречет, — тихо сказал Ратибор, глядя ему прямо в глаза, и в этом взгляде была такая сила, что парень невольно отвел глаза. — Ты дерешься в пьяных драках, провоцируешь ссоры, ищешь соперников. Тебе скучно. Ты чувствуешь, что твой талант пропадает впустую. Ты боишься, что умрешь в какой-нибудь канаве, и никто даже не вспомнит твоего имени. Этот поход даст тебе вызов, которого ты жаждешь. Противник, который сильнее тебя. Задача, которая требует не только умения махать мечом, но и дисциплины. От твоей верности зависит судьба Руси.

Кречет замолчал. Его взгляд стал серьезнее. Ратибор попал в самую точку, в то самое уязвимое место, где скрывался страх юного воина перед собственной ничтожностью. — Кто персона?

— Это узнаешь в пути. Скажу лишь: если мы преуспеем, твое имя будут шептать с уважением даже князя. А если провалимся... нас просто не будет.

Кречет захохотал, и в этом смехе прорвался азарт, тот самый, что гонит людей на вершину горы или в пасть дракона.— Пафос! Люблю пафос. Хорошо, дед. Я в деле. Но учти: я не терплю приказов, которые считаю глупыми.

— Приказы будут мудрыми, — улыбнулся Ратибор. — Или их не будет вовсе. Будет только необходимость выжить.

Кречет залпом допил эль и встал, откидывая плащ.— Когда выходим?

— Через ночь. Сбор у тайных ворот Новгорода. Не опаздывай. И не рассказывай никому, куда идешь.

Кречет кивнул, его глаза горели огнем.— Буду. Жди.

Ратибор вышел из трактира в холодную ночь. Снег бил в лицо, смывая усталость, но не облегчая душу. Четыре человека. Четыре разных характера, четыре разные судьбы, объединенные одной целью. Вышата — сила и совесть. Финист — зрение и интуиция. Анисим — ум и расчет. Кречет — ярость и скорость. И он, Ратибор, как связующее звено, как воля, направляющая эту стихию.

Он сел на коня и посмотрел на звезды, которые теперь горели ярко и холодно, как лезвия ножей. Путь предстоял долгий и кровавый. Но теперь у него была дружина. Маленькая, но крепкая. Как сталь, закаленная в огне.

«Держись, Александр, — подумал воевода, пришпоривая Ветра. — Мы идем. И горе тем, кто встанет на нашем пути».

Глава 3. Тайный приказ

Ночь перед выступлением выдалась безлунной и ветреной. Небо над Великим Новгородом затянули тяжелые, свинцовые тучи, скрывавшие звезды, словно сама природа решила укрыть тайну готовящегося побега от любопытных глаз небесных светил. Ветер гудел в трубах домов, завывал в щелях частокола, создавая иллюзию голосов мертвых, бродящих по заснеженным улицам. Снег, который днем казался мягким и пушистым, теперь, подхваченный порывами, превратился в злую, колючую пыль, бившую в лицо.

Ратибор провел последние часы в лихорадочной подготовке. Он проверил каждое седло, каждую пряжку на сбруе, каждый ремень на доспехах. Его руки двигались автоматически, отточенные годами службы, но разум был напряжен до предела. Он прокручивал в голове каждый шаг предстоящего маршрута, каждый возможный вариант развития событий. Ошибка была недопустима. Цена ошибки — жизнь княжича и, возможно, будущее всей Северо-Западной Руси.

В полночь он встретился со своей новой дружиной у западных ворот Детинца, тех самых, что выходили к берегу Волхова, где река делала крутой изгиб, образуя тихую заводь, скрытую от глаз высоких стен и башен. Это место было выбрано не случайно: здесь меньше всего стражи, а шум реки и треск льда могли заглушить звуки движения небольшого

отряда.

Первым пришел Вышата. Он стоял неподвижно, как истукан, укутанный в темный плащ из грубой шерсти, не пропускающий ветер. Рядом с ним, привязанный к столбу, стоял его огромный конь — серый жеребец по кличке Гром. Животное казалось таким же массивным и неуклюжим, как и его хозяин, но Ратибор знал, что под этой тяжестью скрывается взрывная сила. Вышата нес за спиной свой знаменитый топор с ясеновой рукоятью, а на поясе висел короткий боевой нож. Никаких лишних украшений, никаких блестящих деталей. Только функциональность и смерть.

Финист появился из тени бесшумно, словно материализовался из самого воздуха. Он был одет в серо-зеленый плащ, сливающийся с ночным лесом. На спине у него висел короткий лук из тиса и колчан со стрелами, оперенными перьями филина. Его лицо было скрыто капюшоном, видны были только глаза, внимательно сканирующие периметр. Он не принес ничего лишнего: только оружие, немного сушеного мяса и флягу с водой. Финист выглядел частью ночи, ее естественным продолжением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.